

Мобилизационный потенциал гражданского общества¹

О.Н. ЯНИЦКИЙ

В статье последовательно излагаются теоретические предпосылки анализа экокатастрофы как системного явления, дается ее социологическая интерпретация, рассматриваются формы мобилизации населения и его ресурсы, раскрывается роль интернета как инструмента мобилизации, даются некоторые типологические характеристики лидеров гражданских организаций. Автор приходит к выводу, что, несмотря на материальные потери и шок, катастрофа имела некоторые позитивные результаты: люди организовались, уровень взаимного доверия и готовность к солидарным действиям повысился.

Ключевые слова: доверие, интернет, модернизация, лидеры, мобилизация, солидарность, экокатастрофа, Россия

Исходные теоретические позиции

Экономические, социальные, этнополитические и экологические кризисы, все чаще потрясающие эволюцию обществ как либерального, так и авторитарного типа, мобилизуют не только власть предержащих и глобальные бизнес-сообщества, но и гражданское общество в целом. Но катастрофы и кризис – не одно и то же. Кризисы суть норма общественной динамики. Катастрофы же всегда «неожиданны», ситуативны и требуют мгновенного ответа: тут промедление смерти подобно. Чем больше общественные системы усложняются, дифференцируются и интегрируются, чем глубже и стремительнее человек вмешивается в веками сложившуюся «машину природы», овладевает ее тайнами, не заботясь о последствиях своего вторжения в этот мир, тем вероятнее наступление катастрофы. Она – также норма современного общества [Яницкий 1996, 1998, 2002; Perrow 1984; Tenner 1996; Keen 2008].

Модернизация и инновации требуют мобилизации ресурсов. Но, как показал нынешний кризис, ликвидация и/или смягчение последствий катастроф (реабилитация природных и человеческих экосистем) также требуют мобилизации ресурсов институтов государства и ТНК. То же самое происходит и в гражданском обществе. Для всего этого необходим социальный капитал. Очевидно, что его накопление требует усилий учеников, учителей, научных исследований, эксперимента, практики и т.д. Менее очевидно, хотя это происходит с нами каждый день, что одни ресурсы доступны для их мобилизации практически автоматически (они есть в компьютере, домашней библиотеке, в общении с коллегами и единомышленниками), на получение других требуются время и силы, а третьи, что самое главное,

¹ Статья является результатом проекта «Природоохранные сети России: структура, функции, человеческий капитал», грант РФФИ № 09-06-00061a.

не существуют вовсе: их надо создавать, причем, немедленно, что и есть креативная мобилизация как таковая.

Социальные ресурсы (знания, умения, связи), как и все остальные, могут «дремать» какое-то время, то есть быть как бы в запасе. Но, в конце концов, неизбежно стареют и распыляются; распадаются и социальные среды (*engendering environments*), их в свое время породившие. То есть производство социальных ресурсов есть динамическая неустойчивая система, сама требующая вложения ресурсов и совершенствования ее механики. Перейду теперь к конкретным ситуации и фактам гражданской мобилизации, полученными нами в ходе эмпирического исследования экологической катастрофы лета 2010 г.

Суть случившегося

Пожары и наводнения лета-осени, ледяные дожди 2010 г. и ураганные ветры, обесточившие целые регионы страны в январе 2011 г., прокатившиеся по всей России, были «репетицией» того, что ожидает наше общество и весь мир в недалеком будущем, если человечество по-прежнему будет игнорировать предупреждения ученых о грозящей катастрофе, провоцируемой изменением климата, за которым кроется людская алчность и безответственность. Иными словами, это было предупреждение российскому и глобальному капитализму в его нынешнем виде, что ему грозит коллапс, если его идеологи, лидеры, топ-менеджеры и огромная масса потребительно ориентированных граждан не пересмотрят свое отношение к законам природы. Впрочем, катастрофа в Мексиканском заливе, землетрясения и цунами в Юго-Восточной Азии, периодические утечки нефти из судов международного танкерного флота, вырубка тропических лесов, парализующие жизнь снегопады в США и Европе – все это явления того же порядка: они суть предупреждения.

Но вернемся к России. Главный вывод из случившегося летом 2010 г. заключается в том, что государство в течение последнего десятилетия фактически ликвидировало институт охраны природы, развивая при этом МЧС и другие силовые структуры, к охране природы отношения не имеющее. Люди, организации и специальная техника, десятилетиями работавшие в этой сфере, оказались ненужными нашему родному капитализму. Организации были распущены, люди уволены, а главное – огромный опыт и ноу-хау охраны и культивирования природы оказался ненужным и растворился, исчез под грузом высокодоходной торговли ресурсами, продажи ценных земель под коттеджи богачей и т.д. С исчезновением данной отрасли социальный капитал (люди, организации и связи (сети) между ними) исчез не совсем, но превратился в индивидуальный капитал отдельных членов гражданского общества, частично оставшийся на местах, частично эмигрировавший.

Для того чтобы любая, измененная человеком социобиотехническая система (далее – экосистема) функционировала в «нормальном» режиме, *три структуры* должны существовать и действовать *согласованно*: «природная» (то есть сегодня поддерживаемая и культивируемая человеком), встроенная в нее социотехническая и институты их взаимного согласования и управления (саморегуляции) с соответствующими сетями обмена информацией и ресурсами.

Еще одно принципиальное соображение: при возникновении и в ходе экокатастрофы гражданское общество, мобилизуясь, восстанавливает прежние связи и создает принципиально новые. Оно вынуждено замещать ликвидированные государственные природоохранные службы (или специализированные как, например, МЧС, организации) и бездействующие бизнес-институты гораздо более эффективными собственными ячейками и связями. Не парадокс ли: катастрофа порождает инновации! Причем как показывает новейшая история, политическая мобилиза-

ция гражданского общества, порожденная экокатастрофами, идет гораздо быстрее, чем те, которые вызваны с длительными социально-экологическими конфликтами (загрязнение Байкала, утечки нефти их трубопроводов и т.п.).

Что изменилось?

Повторю еще раз центральный тезис (гипотезу) данного исследования: для того чтобы любая измененная человеком экосистема функционировала устойчиво, то есть достигалось вожденное *sustainable development*, *три системы* должны функционировать *согласованно*: «природная» или Биосфера (слово природа беру в кавычки, потому что она уже социализирована, то есть изменена человеком), встроенная в нее социотехническая и система, обеспечивающая их взаимное согласование и управление (самоуправление) с соответствующими сетями обмена информацией и ресурсами.

Представляется, что российское общество сегодня «вернулось» в годы перестройки: в сфере борьбы за чистую и безопасную среду обитания явно наблюдается мобилизация ресурсов, информационных и человеческих. Слово «вернулось» я беру в кавычки, потому что протестуют против разрушения природы и человеческих общностей не только убежденные демократы и экоактивисты, но и люди совсем иных убеждений и профессий, разных возрастов, протестуют по новым и старым поводам, но главное – протестуют люди, теперь уже *обладающие знанием*, как и что надо делать, на какие виртуальные сети надо опираться, на какие болевые точки общественного организма и властной системы надо давить в первую очередь. Это и есть знак трансформации социального протеста в *политический*.

Хотя власть предрежающие нас уверяют, что «все под контролем», вся карта страны буквально усыпана «оспинами» протестных действий, далеко не только экологического, а благодаря интернету этот протестный вал стал видим для всех. Главный мотив (фрейм) гражданской мобилизации известен: «так дальше жить нельзя!». Убийства бизнесменов, журналистов и рядовых граждан, несправедные суды, обманутые дольщики, перерождение силовых структур, коррупция, преступность и наркомания (список может быть продолжен) угрожающе нарастают, в результате чего гражданскому обществу остается лишь одно средство воздействия на окончательно обособившееся от него государство: протест, который сегодня благодаря интернету снова приобретает характер массового, уличного, политически окрашенного протеста.

Но «неожиданные» (а в действительности, давно предсказанные учеными) экокатастрофы, как показало прошедшее лето, являются не менее мобилизующим гражданское общество фактором. Стимулом к мобилизации явилась, прежде всего, критическая ситуация лета 2010 г., когда вместо повседневного обмана, бюрократической волокиты, роста цен и т.п., которые еще можно было как-то терпеть, на людей обрушилась катастрофа, угрожающая в одночасье стереть с лица земли все: жилища, угодья, леса, *весь социально и психологически обжитой ландшафт* и их самих. Да, это был толчок извне, вынужденная мобилизация гражданского общества. Но вот что она показала.

Во-первых, что не все члены гражданского общества равнодушны ко всему, что не касается их самих и их близких лично, и не все оно заражено потребительством. Более того, катастрофа мобилизовала тех, кого она никак непосредственно не затрагивала (эмигрантов и рядовых жителей далеких стран). Она в равной мере мобилизовала и ученых, и бизнесменов, и местных жителей и заставила их действовать синхронно, солидарно: то есть катастрофа *консолидировала* зна-

чительную часть общества. Вместе с тем, она произвела «селекцию» (вспомним П.А. Сорокина и его закон отрицательной селекции, см.: Сорокин 2003) и сразу стало ясно: кто спасал природу и помогал пострадавшим, а кто отлынивал или отдыхал в Австрии. К «уклонистам» относятся арендаторы лесных и других угодий, которых на момент пожаров так и не смогли найти.

Во-вторых, после долгой жизни страны в атмосфере пиара, профанаций, прямого обмана или чисто символического поведения власть предержащих люди увидели, что есть настоящее дело и включились в него даже с риском для жизни. Десятки добровольных пожарных, спасателей и волонтеров пострадали. Психологически и этически это очень важный результат: люди снова оказались востребованными, нужными друг другу.

Далее, доселе дремавший социальный потенциал профессионалов и местных активистов был *актуализирован*, потому что люди осознали, что их экстра-усилия приносят реальную помощь погорельцам и разрушенной среде обитания. Пригодился и опыт местных погорельцев в прошлом, потому что поджоги с целью давления на несогласных – случай довольно частый в криминализированной среде. То есть катастрофа сделала этих людей востребованными гражданами, то есть мотивировала к сплоченности и совместным действиям и тем самым заставила мобилизовать социальный капитал – свой, соседей, знакомых и единомышленников.

Роль интернета

Под сетями гражданской мобилизации я понимаю информационные сети, создаваемые с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) самими гражданами (жителями) для мобилизации ресурсов и информирования граждан с целью ответа на критическую ситуацию (социальный конфликт, техногенная или экологическая катастрофа, пожар, наводнение и т.п.). Однако цели таких сетей, как показывает отечественная и мировая практика, значительно шире: образование, просвещение, поиск единомышленников, организация сообществ по интересам и т.д. [Мардарь 2008, 2009; Usacheva 2008; Olsen 2003; De Donk, Loader, Nixon, Rucht 2004]. Эти сети создаются и развиваются независимо от государственных структур, хотя и могут вступать во взаимодействие с ними.

Интернет и другие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) стали для российских граждан одновременно полем и инструментом самоорганизации, независимо от воли начальства. Оказалось, что компьютер плюс мобильник и даже обычный телефон – мощное средство коммуникации и самоорганизации как протестной, так и созидательной, конструктивной. Катастрофа стимулировала *консолидацию* атомизированного, изверившегося и просто выбившегося из сил населения. По инициативе как пострадавших, так и людей, далеких от ее эпицентра, были созданы интернет-форумы, где люди впервые за долгие годы не просто знакомились и «общались» (для этого есть социальные сети), а *организовались* для конкретной помощи конкретным людям. Надо помнить, что большинство местных работало в больших городах, а их дети и родственники оставались в зоне бедствия. Важно также, что интернет обеспечил *диалог* между носителями научного и локального знания, мобилизовав и тех и других. Такие форумы – аналог ядра социальных движений перестроечных лет, когда еще не было интернета.

Назову только некоторые функции таких форумов:

- 1) социальная (создание «ресурсных групп» для сбора вещей и медикаментов для пострадавших и оказания иной помощи);
- 2) информационная (помочь людям найти друг друга, узнать, живы ли и здоровы их родные и близкие, организовать им помощь);

3) профессиональная психологическая поддержка пострадавшим;
4) ресурсная/материальная (сбор и доставка гуманитарной помощи пострадавшим);

5) логистическая (создать сеть помощи, то есть соединить центры ее сбора со множеством точек, где эта помощь была нужна в первую очередь).

Кроме того, форум (это также могли быть сайт, чей-то блог, твиттер и т.д.) был незаменим тем, что давал взгляд снизу и сверху: в первую очередь – свидетельства очевидцев; мнение специалистов, способных оценить эффективность действий спасателей, властей и уровень научных знаний местных профи; в общем – взгляд с разных точек зрения. Для социолога такая информация незаменима для построения модели гражданской мобилизации и поддерживающей ее коммуникативной структуры и, конечно же, для прогноза последующей реабилитации человеческого сообщества и экосистем.

Наконец, интернет-форумы и иные формы ИТ позволяли сравнивать информацию, передаваемую СМИ, с тем, что было на самом деле; сопоставлять, что было обещано правительством и областными властями и что местные жители получили реально; выявить возникающие и будущие конфликты (как между жителями, так и между ними и властями); фиксировать инициативы снизу (от лесников и других специалистов); наконец – какие меры можно было предпринять заранее, чтобы минимизировать пожары и их последствия.

Суммируя роль коммуникаций в деле ликвидации катастрофы, можно сказать, что:

1) она происходит все чаще с использованием ИКТ;
2) сегодня они являются наиболее быстрым и эффективным инструментом, чем «вертикальная» коммуникация, осуществляемая по государственным каналам;

3) в гражданских сетях производится социальный капитал индивидов, групп и движений как необходимый ресурс гражданского общества, который в будущем (а есть уверенность, что подобные катаклизмы повторятся) будет использоваться для более эффективной и быстрой мобилизации;

4) происходит рост совокупного социального капитала сети в целом;
5) ключевыми фигурами – узлами (*nodes*) этих сетей являются лидеры сообществ и организаций, которые выполняют функцию их интеграции;

6) гражданские сети создают платформу для распространения информации, являются более открытыми, прозрачными и быстрее реагирующими на внешние вызовы, чем другие структуры;

7) что именно с этими сетями будет дальше, каковы возможные их трансформации, на сегодняшний день вопрос открытый. Возможно, что часть сетей стабилизируется в форме постоянных социальных сетей (например, погорельцев или добровольных пожарников). Другая их часть «сожмется» до следующей катастрофы или станет просто местным информационным сайтом. Вместе с тем, возможна глобализация таких сетей, как это произошло в ходе борьбы против загрязнения озера Байкал (за закрытие Байкальского целлюлозно-бумажного комбината). Еще некоторая часть сетей сохранится, поскольку она детерминирована частными интересами отдельных групп местного населения.

Комплексность, адресность, экологичность

Я особо акцентирую внимание читателя на *комплексности* помощи пострадавшим. Никакое ведомство, включая МЧС, не могло одновременно оказывать материальную, психологическую, врачебную помощь людям и думать о спасении природы. Я предлагаю назвать данную мобилизацию *экологической* не только по тому, что

горели леса, степь или торфяники, а потому что нужно было спасать *экосистемы*, социальные и природные. У нас страна построена по административному принципу, а система управления – по ведомственному и директивному. Но в критических случаях, подобно рассматриваемому, требуется интерактивная, горизонтальная с обязательной обратной связью. Иначе селение, разделенное административной границей, живет в разных мирах: в одной части идут интенсивные восстановительные работы, в другой – только торчат печные трубы и мертвая земля вокруг.

Экокатастрофа стимулировала в нашем атомизированном обществе возникновение общностей неравнодушных людей; они одновременно оказывали помощь пострадавшим и сделались нужными друг другу. Увлекаясь изучением глобальных проблем, мы забыли о важности сохранения человеческих микрокосмов: самоорганизующихся общностей, малых коллективов, тех самых *grassroots*, о важности которых столько написано. Социологи постоянно говорят о профессиональном разделении труда и социальной стратификации, но катастрофа и последующая мобилизация создала в среде гражданского общества совсем иное разделение труда: *по необходимости*, то есть *ситуативное*. Его формы и ритм создавали не ученые и специалисты, а непредсказуемый ход катастрофы.

Рассматриваемый нами процесс мобилизации был также *адресным*. Адресность есть форма указанной необходимости, ситуативности. В отличие от многих наших реформ, которые лишь определяют контуры будущих перемен, вследствие чего человек годами мается, чтобы разобраться, к какой статье (пункту подзаконных актов или ведомственных инструкций) относится его частный случай, отличительной чертой мобилизованного гражданского общества была *прямая связь* запроса (о помощи) и его удовлетворения, что спасало одних (пострадавших) и приносило чувство удовлетворения другим (волонтерам). Никаких посредников не требовалось. Правительство ввело своим постановлением специальную подготовку «медиаторов» для урегулирования споров [Постановление Правительства РФ 2010, с. 20]. Интересно, поможет ли погорельцам этот институт или все же проще и быстрее договариваться напрямую?

Показательно, что катастрофа, создав дефицит всяческих ресурсов для жизнеобеспечения погорельцев, заставила всю эту работу по сбору и распределению помощи делать *по справедливости*. И здесь опять первую скрипку играли добровольцы-спасатели и волонтеры. Оказалось, что в нашем обществе, полном вранья и обмана, нужно поступать именно так, потому что иначе было и нельзя: в пострадавших деревнях и городках все знали друг друга. Нельзя, потому что там десятилетиями вырабатывалась четкая шкала для идентификации правых и виноватых. Там прозрачность местного мира не меньшая, чем прозрачность мира большого (если верить WikiLeaks'у). Иными словами, традиция не всегда является препятствием модернизации.

В критической ситуации люди «открывались» в том числе и социологам. Стресс снял психологические барьеры, и даже врачи, представители местной власти и просто жители, пострадавшие от пожара, высказывались столь откровенно, чего в обычной жизни не сделали бы никогда. Они хотели выговориться, сказать правду о своей жизни и жизни сообщества, сбросив тем самым с себя личину «обывателя», которую так часто и несправедливо социологи приклеивают этим людям [Гудков, Дубин, Левинсон 2008].

Наконец, пообщавшись на форуме, местные и неместные стали доверять друг другу и обсуждать более широкий круг социальных и технических проблем: что это было – стихия или все же поджоги? Каким может быть прогноз на следующее лето? Какова вероятность самовозгорания (от мусора или несгоревших деревьев)? Какова эффективность пожаротушения самолетами (ее местные оценили отрицательно)? А потом зазвучали еще более общие социальные вопросы: почему на местах русские работают в более тяжелых условиях, чем пришлые (гастарбайтеры)?

Что нужно сделать, чтобы остановить обнищание деревни и малых городов? Почему власть не слушает нас, не принимает к рассмотрению наши проекты сохранения торфяников и одновременно обеспечения пожарной безопасности? То есть снова мы как бы очутились во временах перестройки, когда после пожаров тех лет эти вопросы ставились местными специалистами и учеными.

Лидеры

Все, о чем речь шла выше, было бы невозможно без лидеров этих спасательных и иных действий в условиях катастрофы. У нас проблематика лидеров социальных движений вообще в загоне. А тут еще лидеры – ликвидаторы катастроф. Между тем лидеры экологических организаций и движений представляют собой своеобразные «центры» в информационно-мобилизационных сетях взаимодействия, созданные не только по поводу конкретного случая в России, но далеко за пределами страны. Одними из ключевых функций экологического лидера является создание фреймов конфликта или катастрофы (общий, мотивационный и мобилизационный фреймы), а также его профессионализм и навык эффективной коммуникации в самых различных социальных средах. Междисциплинарность сферы деятельности и его собственная «многорукость» – отличительные особенности эколидеров, делающие их работу специфичной, однако в то же время в общем смысле инновационной. Они одни из немногих первыми иницируют и развивают инновационные проекты по экологическому образованию и просвещению, создают методики охраны и восстановления окружающей среды, руководствуясь научным знанием и собственным практическим опытом. Таким образом, нельзя не отметить инновационный потенциал эколидеров как важных агентов внешней и внутренней коммуникации в сетях их взаимодействия [Усачева 2011; Давыдова, Усачева 2009; Давыдова, Мардарь, Усачева 2008].

Как показало упомянутое исследование, сегодня «на местах» остается все меньше профессионалов в своем деле. Это явление характерно практически для всех сфер, не говоря уже об инновационном развитии этих сфер – нередко приходится в первую очередь восстанавливать старое и обучать специалистов «с нуля». Как показали летние пожары 2010 г., в условиях крупной природной катастрофы нельзя быть универсалом: специалистов по тушению крупных, верховых лесных пожаров методом встречного пала иногда приходилось искать даже в других регионах страны. Сегодня специализированные государственные службы не готовы к работе с крупными экологическими катастрофами, зачастую защита природы остается вне их компетенции или технических возможностей ее спасти. Кроме того, «ликвидаторы» должны знать специфику территорий, то есть быть своими, местными.

В этой связи источником формирования качественно новой и модернизированной элиты могли бы стать экологические лидеры, имеющиеся в каждом регионе России. Это лидеры экологических инициатив, лесники, биологи, краеведы и многие другие; некоторые из них накопили за многолетнюю историю существования своих инициативных групп или отделений общественных движений (экологического, краеведческого, жилищного, правозащитного и др.) значительный научный, образовательный, организационный потенциал. Они соединяют в себе основные характеристики и качества, необходимые для успешного руководства и эффективной, как правило, инновационной деятельности, противостоящей бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов нашей страны. Они же объединяют в себе и качества лидеров, необходимые в условиях определенных природных катастроф: носителей локального знания, коммуникативно-организационные, мобилизующие, контролирующие и прочие.

Раньше средой, порождающей эколоидеров, были, прежде всего, университеты и научные институты. Наиболее известным примером такого «гнезда» является Дружина охраны природы биологического факультета МГУ, которая в декабре 2010 г. отпраздновала свой полувековой юбилей. Но эта Дружина – только ядро. В действительности с конца 1960-х гг. была создана и все время расширялась сеть студенческого дружинного движения, феномен уникальный даже по меркам Европы и США. Дружина сформировала лидеров практически всех общероссийских экологических движений и организаций: Социально-экологического союза, WWF-Россия, Гринпис-Россия. Но интеллектуальная среда малых городов и пригородов выдвинула своих лидеров, борющихся за сохранение среды своего непосредственного обитания. И тут проглядывает общая закономерность: нарушение местной властью или бизнес-структурами природоохранного законодательства вызывает к жизни и формирует лидеров, которые до этого и не помышляли об этой роли. Ярчайший пример тому – Евгения Чирикова, инженер, просто живущая рядом с Химкинским лесом. Когда началась вырубка этого леса под трассу Москва – Санкт-Петербург, Чирикова буквально за несколько месяцев превратилась из «жителя» в одного из общероссийских лидеров экологического движения. Приведем некоторые ее рекомендации другим лидерам, обретенные в ходе жестокой борьбы.

«Ну, живу я там, ну, хожу я туда, ну, люблю я это место. Поэтому, естественно, я про это говорю. А потом я вообще прозрела, можно сказать, через этот лес. То есть я все поняла про нашу страну: Химкинский лес – это модель нашей страны. И я могу дать несколько рецептов моим начинающим коллегам:

1) Прежде всего, работа должна быть обязательно системной. Не уповайте, что одна акция вам что-то даст. Четыре года каждую неделю как проклятые что-то <мы все время делали> – или петиция, или пикет, или митинг, или велопробег, или рок-концерт – ну, что-нибудь. Надо что-то делать и тормозить.

2) Второе: каждая акция должна быть конкретной, вы должны знать, против кого вы боретесь и называть конкретные имена, и не бояться.

3) Третье: акция должна быть массовой, то есть надо привлекать всех своих соседей. Даже вот тех, которые ничего не хотят, ни во что не верят, их надо убеждать и еще раз убеждать.

4) Подключение СМИ обязательно. То есть любая ваша деятельность по защите леса – она должна обязательно быть освещена в СМИ.

5) У вас Интернет есть? – Есть. Тогда заводите блоги, заводите сайты. Самое главное в таком деле – это не молчать, а все время действовать, действовать».

Эколидерам свойственно (точнее, они вынуждены самой ситуацией отсутствия экологической политики и грабительской политикой бизнеса) работать с максимальной самоотдачей, ставить своих младших коллег вровень с собой, открыто обсуждая с ними предлагаемую логику и репертуар действий. Лидеры пожарных и волонтерских бригад этим летом выполняли функцию организации тушения пожаров и координации использования человеческих ресурсов. Они брали на себя ответственность за добровольцев, приезжавших помогать тушить пожары. Эти и другие личностные качества эколидера становятся необходимыми в условиях крупных природных катастроф. Такими они, как показало наше исследование, проведенное методом изучения случая в поселке городского типа Белоомут (Московская область) и г. Верхняя Выкса Нижегородской области, стали и в период летних пожаров 2010 г., именно благодаря им, удалось предотвратить более серьезные последствия этих пожаров.

Эколидеры – это лидеры следующей «фазы» развития и модернизации страны, с конкретной программой, продуманным планом действий. Приоритетными для них (в то время как для местного начальства все летние проблемы с окончанием строительства новых домов для погорельцев «уже кончилось») остаются такие задачи как, например, сохранение и поддержание коммуникаций в сетях взаимо-

действия, чрезвычайная ценность и важная функция взаимовыручки и стремительной мобилизации которых подтверждалась неоднократно. Также это планы по реабилитации людей и экосистем, а также по разработке нового, альтернативного существующему, Лесного кодекса, восстановившего бы лесничества как низовую и необходимую для сохранения лесов структуру. Своим примером эти скромные люди в российской глубинке показывают, что даже в эпоху «потребительского общества» и индивидуализма происходящие консолидация и самоорганизация людей, вопреки всему, свидетельствуют о наличии в России все более активно развивающегося гражданского общества, его вторичной социализации и политизации.

Конечно, новые лидеры отличаются от прежних: они больше знают, умеют общаться с бизнесом и даже находить с ним общий язык, но их корни все еще там, в 1960–90-х гг., в Дружине охраны природы и выросшем из него СоЭСе [Yanitsky 2010].

О методах изучения катастроф

Экологическая катастрофа даже регионального масштаба есть явление системное. Она затрагивает людей, организации, социальную структуру местного сообщества, институты и инструменты управления. Но в не меньшей мере она касается структуры почв, растительности, животного мира и т.д., а также той меры, с которой человек вторгается в функционирование природных систем (экосистем). Чем чаще человек вмешивается в них, превращая их из естественных, то есть саморегулирующихся, в искусственные, то есть зависящие от человека (будь то посевы зерновых, искусственные водоемы или лесопосадки), тем больше нужны специализированная информация, каналы связи, структуры управления и ресурсы для их поддержания. Поэтому столь любимые социологами массовые опросы здесь ничем не помогут, так как они дают статистический срез (разброс мнений), а не выявляют структуру функций и связей. К тому же давно известна разница между «мнением» и реальным действием. Никакой массовый опрос в условиях нормально функционирующей экосистемы не скажет, что будет, если с ней случится катастрофа. Фокус-группы хороши, но они тоже дают мнение или прогноз отраслевого, а не системного характера.

Изучение самой экокатастрофы, то есть взаимосвязанного состояния и поведения социальных и природных систем в критических условиях (пожара, например) достаточно сложное дело. Однако изучение таких «случаев» (их можно также именовать ситуациями, как это делает А. Турэн), особенно когда социологу удастся попеременно быть инсайдером и аутсайдером, дает наиболее адекватные результаты, поскольку ему удастся схватить в реальном действии и сети его связей все вовлеченные в катастрофу природные и социальные элементы и их изменение в реальном времени (замечу, что для работы этим методом социолог должен обладать всем комплексом знаний, касающихся изучаемого случая, что противоречит нынешней системе специализации выпускников ВУЗов). Поэтому социологи занимающиеся изучением социально-экологических конфликтов используют метод построения хроник [Яницкий 2002; Халий 2007; Yanitsky 2000]. Время оповещения, реагирования, самого процесса ликвидации критической ситуации, а также время на реабилитацию экосистем играют здесь ключевую роль. Еще в 1982 г. мною было показано, что в 90% случаев разрушенная в результате конфликта или катастрофы экосистема восстанавливается дольше, чем формируется, это стоит очень дорого и практически никогда не достигает прежнего уровня «экосистемности», то есть разнообразия и пригнанности ее разнородных элементов друг к другу, когда она, в конце концов, из «конструкции» превращается в саморегулируемую экосистему

[Yanitsky 1982]. Необходимый для этого природный и социальный «гумус» создается десятилетиями.

Наконец, для изучения таких ситуаций пригоден метод изучения социально-экологического метаболизма, то есть «обмена веществ» между людьми и уцелевшей или пострадавшей природой. Этот метод создан давно, но его применение сопряжено с большим риском для жизни исследователя [Boyden, Millar, Newcombe, O'Neill 1982; Fisher-Kowalsky, Haberl 2007]. Ведь речь идет об изучении информационных и ресурсных потоков основных игроков: властей, бизнес-структур, населения и природы. Как известно, «деньги любят тишину», то есть сохранение тайны их источника и перемещений.

Заключение

Итак, первый тайм «репетиции» будущего заканчивается. Западные теоретики (У. Бек, Э. Валлерстайн, Э. Гидденс) в один голос утверждают, что поведение современного социума непредсказуемо и некалькулируемо. Но давно пора бы социологам понять (и учесть в своих концепциях), что и природа, испытывающая на себе всевозрастающее давление человечества, столь же нестабильна и непредсказуема. Потепление климата может растянуться на десятилетия, но последние годы демонстрируют возрастание амплитуды колебаний сезонной и даже более коротких периодов погоды. Торфяники в России горят почти каждый год, жители окрестных сел и городков привыкли к этому. Но в 2010 г. ветер периодически менял направление, усиливался, местами переходя в ураган, и «низовой» медленно тлеющий пал мгновенно превращался в «верховой» огненный шквал. Чтобы справиться с ним, нужны другое время и совсем другие средства.

Локальные катастрофы прошедшего лета, как ни парадоксально, пошли на пользу гражданскому обществу. Оно встрепенулось, мобилизовалось (причем, поначалу совсем не по политическим причинам, хотя в это же время демократические силы пытаются начать именно политическую мобилизацию), реально помогло людям и увеличило свой социальный капитал. Сформировались сети взаимопомощи и доверия, чего никак не могут добиться демократы. Их лидеры строят свою мобилизацию сверху вниз, тогда как летняя катастрофа заставила граждан мобилизоваться снизу вверх, причем, тут же возник диалог специалистов и простых людей, почувствовавших себя гражданами. Слабая, но мобильная горизонтальная мобилизация побеждает мощную, но неповоротливую государственную вертикаль. Как показали мои многолетние исследования, политическая мобилизация гражданского общества наступает позже и идет гораздо медленнее, чем социальная, но в то же время она гораздо фундаментальнее, чем та, которую пытаются сегодня организовать «новые демократы».

Как поведет себя пострадавшее население в период реабилитации, вопрос открытый. Однако вряд ли на фоне общего подъема гражданской активности все вернется на круги своя. Во всяком случае, их сайты и форумы, несколько снизившие сегодня свою активность, вряд ли исчезнут совсем из виртуального социального пространства. Ведь это их уникальный социальный капитал.

Развитие гражданских экологических организаций наметилось еще по двум направлениям. Одно – это борьба с властными институтами уже на протяжении всего десятилетия (я имею в виду пересмотр Лесного кодекса и всей организации лесного хозяйства). Второе – это замещение части функций местной администрации силами общественных организаций, начиная с их консультативных органов, подобных гражданской организации Экоюрис и вплоть до разработки программ реабилитации на уровне региона, в особенности, специально охраняемых террито-

рий. Ясно, что местная администрация не справится с такой комплексной задачей в одиночку, а МЧС по закону не обязано этим заниматься.

И наконец, почему еще нынешние катастрофическая и посткатастрофическая ситуации так важны для социологического осмысления? Потому что на малых локальных объектах можно изучать *социально-экологический метаболизм* периода разрушения/восстановления данной экосистемы. То есть процессы трансформации поступающих сюда для спасения и реабилитации ресурсов всех видов: финансовых, материальных, человеческих. Ведь можно свалить гуманитарную помощь на помойку, как уже случилось. Можно отсортировать для своих лучшее, а оставшееся – «на тебе, убоже, что мне негоже». Но можно распределить ее адресно и по справедливости, а если что-то останется, сделать запас на будущее. Это – нелегкая, но необходимая задача, если мы действительно хотим бороться с коррупцией и рационально использовать наши природные и человеческие ресурсы.

Итак, экокатастрофа в нашем стагнирующем обществе породила конкретный импульс модернизации. Она мобилизовала человеческие ресурсы, укрепила доверие между разными группами населения, способствовала его самоорганизации и консолидации. Экологическая катастрофа привела к мощной мобилизации сил этого общества, к развитию его организаций и расширению его он-лайн и оффлайн сетей, а в ряде случаев – к замещению гражданскими организациями государственных структур, которые оказались не способными предотвращать подобные катастрофы.

Литература

- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г. (2008) Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 30 июня 2008.
- Давыдова С.И., Усачева О. А. (2009) Гражданское общество Европы: экологические сети // СОЦИС. № 11.
- Давыдова С.И., Мардарь И.Б., Усачева О.А. (2008) Лидеры и сети современных экологических движений // История и современность. № 2.
- Мардарь И.Б. (2008) Виртуальное пространство гражданского общества // Досье на цензуру. № 29.
- Мардарь И.Б. (2009) Трансформации сетевой деятельности некоммерческих организаций // СОЦИС. № 5.
- Постановление Правительства РФ от 03 декабря 2010 г. № 969 «О программе подготовки медиаторов» // Российская газета. 10 декабря 2010 г.
- Сорокин П.А. (2003) Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS.
- Усачева О.А. (2011) Экологический активизм в постсоветской России и западном мире: сравнительный анализ // СОЦИС. № 3 (в печати).
- Яницкий О.Н. (1996) Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН.
- Яницкий О.Н. (1998) Социология и рискология / Яницкий О.Н. (отв. ред.) Россия: риски и опасности «переходного» общества. Москва: Институт социологии РАН.
- Яницкий О.Н. (2002) Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сибирский Хронограф.
- Халий И. А. (2007) Защита Байкала: хроника конфликта // СОЦИС. № 8.
- Boyd S., Millar S., Newcombe K. and O'Neill B. (1981) The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong. Canberra: Australian National University Press.
- Fisher-Kowalski M., Haberl H. (2007) Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University.
- Davydova S. (2008) The Social Roles of a Russian Environmental Movement Leader / Yanitsky O., ed. Modernization in Russia: Challenges to Research and Education. Moscow: Institute of Sociology.

- De Donk W., Loader B., Nixon P., Rucht D.* (2004) eds. *Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements*. London: Routledge.
- Keen D.* (2008) *Complex Emergences*. Cambridge: Polity.
- Olsen Th.* (2005) *International Zapatismo. The Construction of Solidarity in the Age of Globalization*. L.: Zed Books.
- Perrow Ch.* (1984) *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. N.Y.: Basic Books.
- Tenner Ed.* (1996) *Why Things Bite Back. Technology and the Revenge of Unintended consequences*. N.Y.: Alfred A. Knopf.
- Usacheva O.* (2008) *Social Movements and the Information and Communication Technologies in Western Europe and Russia* / Yanitsky O., ed. *Modernization in Russia: Challenges to Research and Education*. Moscow: Institute of Sociology.
- Yanitsky O.* (1982) *Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice* // *International Social Science Journal*. Vol. XXXIV. No 3.
- Yanitsky O.* (2010) *Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader*. Moscow: Taus.